

На рассохшейся арфе в Европу не въедешь

Ян Смирницкий

— Марк Борисович, как изменился оркестр с того дня, как вы заступили на должность главного дирижера?

— Когда я принял Госоркестр, он был, мягко говоря, в «лежачем состоянии». Он не отвечал ни своему названию, ни великим традициям. И главная причина та, что покойный Евгений Федорович Светланов мало уделял ему времени... Потом у оркестра два года был другой главный дирижер, он-то вообще все время работал на Западе...

— **Синайский?**

— Да, но я не хочу его фамилию упоминать — просто «другой дирижер». Он сюда приезжал как гастролер: отыгрывал программу и — обратно. Чтобы Государственный оркестр работал в абсолютном порядке, им надо заниматься каждый день, а стоит на неделю отъехать, приезжаешь — и будто бы ничего не делал, все разбежались, как тараканы!

— **А как в западной практике?**

— На Западе главный дирижер не сидит, ко-

нечно, двенадцать месяцев в году вместе со своим оркестром. Работает от силы 10–12 недель, максимум 16 — это если очень большие деньги платят. У нас же ни на секунду нельзя выпускать ситуацию из-под контроля, наши русские мозги так устроены. Когда я пришел, оркестра, по сути, не было: плохая дирекция, вакансии на многие инструменты, да и среди исполнителей — люди с весьма сомнительной музыкальной квалификацией... В 1997 году Госоркестр побывал на гастролях в Англии и получил ужасающие рецензии, в 2002 году — в Германии, и снова шлепок: импресарио отказался продлевать контракт. И только сейчас, уже с новой дирекцией, мы пытаемся возобновить связи с Германией, и то первые концерты запланированы не раньше 2005 го-

В июле прошлого года Марк Горенштейн возглавил Государственный симфонический оркестр. Тот самый, о котором ни в России, ни за ее пределами на протяжении последних нескольких лет слова доброго сказано не было. А многие зарубежные импресарио просто отказывались с ним работать — вследствие полной творческой девальвации. Минуло полгода.

ИТАРАСС

да, и то благодаря тому, что оркестром руковожу я, а меня помнят немцы еще по «Молодой России», которая с успехом там гастролировала семь лет подряд.

— **А проблема с инструментами уже решена, я слышал, что у арфы ресурс всего 20 лет?**

— Дерево рассыхается, медные болты не держат строй... А у нас есть арфа, которая осталась еще со времен создания Госоркестра — с 1936 года! Это неверо-

ятные вещи! На медные инструменты вообще ресурс семь лет, так всем оркестровым — уже за десять! Министерство пообещало, что выделит средства на арфы и медные — наше большое место... А валторны? Как на них можно играть, если музыканты раструб заклеивают скотчем? Валторна стоит 10 тысяч долларов, их нужно семь.

— **И все это покупается за рубежом?**

— Конечно, ведь у нас ничего не делают. Про-

блем огромное количество. Сейчас, конечно, ситуация несколько изменилась. Все те, кто не хотел работать, а главное, кто не мог работать, уволились после первой же репетиции. И то, что было в оркестре до этого, никогда более не повторится: каждый музыкант будет ощущать на себе тот необходимый творческий прессинг, без которого у нас в стране ничего не получится.

— **Материально все как-то подкрепляется?**

— Могу сказать, что в январе мы получили президентский грант — и не как подарок, а как аванс в память о том, каким Госоркестр был раньше, в лучшие свои годы...

— **Сейчас до идеала далеко?**

— По крайней мере уже видно, что это не компания разрозненных людей, где каждый сам по себе, уже слыш-

но, что это единый организм. Учитывая то, что здесь 100, а то и 120 человек. И, по моему мнению, оркестр очень быстрыми темпами движется вперед. Но здесь я позволю себе вспомнить одно выражение, применительное к спортивной жизни: достигнуть вершины — сложно, но можно, а удержаться на ней — в десять раз тяжелее. Поэтому, когда я получил от Министерства культуры приглашение возглавить Госоркестр, я сказал, что контракт должен быть минимум на пять лет, иначе я не пойду.

— **Мне интересно спросить у вас как у дирижера: с каким чувством вы подходите к каждому концерту?**

— Я себя так приучил: каждый концерт надо играть как последний, потому что никогда не знаешь, что с тобой будет завтра утром. Я всегда говорил своим артистам: когда вы экономите силы на репетициях, вы укорачиваете себе жизнь, а не продлеваете ее.